

ФИЕСТА

Всё, в конец уже всё заебалю:
алкоголь, и Монмартр, и дождь.
Но зачем-то прекрасного ждёшь,
чтобы вновь получить по ебалу.

Но ебалу же не привыкать.
Всякий раз уже лет восемнадцать
ты пытаешься счастье помацать,
а беда снова в рожу — хуять!

Ну, утрёшься. И гордо пойдёшь
стороною, что мирная вроде.
Артобстрелы бывают в природе,
но не здесь, обещают... Ну что ж,

ты идёшь. И снаряды невзгод
вкруг ебошат всё ближе и ближе.
Да, нам было херово в Париже,
всякий знает. Но ёбанный рот,

можно сжечь все в камине поленья,
можно печень порвать в исступленьи,
можно хуй потерять в наступленьи,
но Испания, суко, рот фронт!

Там форель пиренейская, блять,
там Памплона, хамон и фиеста.
Ну поехали, нахуй, ну честно,
леди Эшли, ну ёб твою мать.

СТРАХ

Душа в потёмках, взаперти. Душе тоскливо.
Снаружи ночь, снаружи стон и страшный шёпот
о том, что месть сама идёт как справедливость.
И топот сапогов смазных, угрюмый топот.

Под занавеской в темноте огни за речкой
сомкнулись в ряд, на топорах бликует пламя:
«За что распяли вы Христа, гниль человечья?».
И семь свечей, как семь грехов пред зеркалами.

А я был Мойша, мне шесть лет, мне завтра в хедер.
Но мама тянет от окна в провал подвала.
Ах, почему же я не рыжий Хартман Петер,
отец которого у нас гостил, бывало?

Вот и подарок от него — букварь на русском:
вот аз, вот буки, веди — всё понятно.
В подвале холодно, темно на досках узких

и запах здесь всегдашний сыромятный...

А я был Мишка, в картузе, папаша шорник. .
Осьмнадцать мне исполнилось в апреле.
Вчера был понедельник, нонче вторник.
Казённую мы пили всю неделю.

А как не пить в распутицу и слякоть?
Кто виноват в том, что Христос забыл Россию?
Глоток на посошок, буханки мякоть
в карман. Стакан. И бабы, ишь, заголосили.

Там за мостом чужие. Взять хоть Ари,
или Ицхака взять, а хоть бы Хирша...
«Ты это, слышь-ка чо, возьми вот, паря, -
тебя на то благославит всевышний».

Рука на топорище, поп с распятием
и Фрол-сосед, ощерившись, хохочет:
«Покажем непорочное зачатие
Рахельке». Перегар накрыл полночи.

Мне страшно на мосту перед местечком.
Мне страшно в темноте сырой подвала.
Я - Мишка, сын Никиты Поперечного.
Я - Мойша, сын Захарии Сегала.

Мне не избыть проклятье чёрной сотни,
мне не забыть Давида звёзд наддверных.
Но вечный ветер воеет в подворотне:
«Умные нам не надобны. Надобны верные».

СЕРОЕ

За окном апрель двадцать первого
года, града, где пахнет серою.
Обстоятельства, в целом, нервные,
времена, скорей, грязно-серые.

Не свинцовые, не кровавые —
просто цвета асфальта пыльного,
хоть гремят в окно песни бравые,
песни бравые, молодильные.

Песни бравые, речи правые,
удаль бойкая, молодецкая:
то восторг родною державою,
то поход во степи донецкие.

Только медный звук боевой трубы
вязнет в тусклой вате безвременья.

Порубить дубы нам бы на гробы,
белый свет накрыть мрачной теменью...

И дышать совсем мне не хочется
этим снулым, протухшим воздухом.
Ничего никогда здесь не кончится,
и не будет ни сна и ни отдыха,

ни прощения, ни забвения,
ни надежды на воздаяние,
ни хорошего настроения,
ни последнего покаяния.

Рожки сломаны конъюнктурой
или, скажем так, атмосферой.
Ножки вычеркнуты цензурой.
Козлик серенький. Волки серые.

МАША И ЛИФТИК

Тра-та-та, тра-та-та,
вышла Маша из лифта.
Лифт уехал далеко,
Маша дышит глубоко.
Из груди рыдания:
«Лифтик, до свидания!
Ты летишь сейчас туда,
где не ходят поезда,
не летят ракеты,
милый, милый, где ты?
Возвращайся, буду ждать
даже через месяц,
пусть лифтёры на меня
всех собак повесят —
всё равно я буду здесь
тихо жать на кнопку,
буду пить здесь, буду есть,
буду морщить жопку
на ступенях ледяных,
лишь бы ты вернулся,
избежал врагов лихих,
к небу прикоснулся.
Я ль тебе не хороша?
Лифтик, тут всё наше...»
Сигареты, что смешат,
подвернулись Маше.

***

Небо хмурое, тучи серые,
ветер северный, неумеренный.
Голова моя облысела,

рот, тремя зубами ощеренный.

По такой погоде повеситься
или чаю попить, по Чехову.
В голове моей окоlesiца
прописалась не без успеха ведь.

Май на улице, градус низменный,
как желания и возможности.
Голова — пустышка капризная,
в голове остатки тревожности.

Да и как нам с ней не тревожиться,
как погоде не соответствовать?
Голове палач корчит рожицы,
сбоку плаха лежит, соседствует.

У ЛОГОПЕДА

Гимнастёлку мама подарила мне.
Буду самым главным на большой войне.
А ещё пилотку, танк и сапоги —
пусть меня боятся Лодины влаги.

Папа мне плещепит свой гвалдейский бант:
и отклет стальной бабушкин селвант.
Вынет из колобки олден и медаль —
деда Ваня помел, дедушке не жаль.

Сколо День Победы, папа говолит, —
слазу как излечит он свой ладикулит.
Мы пойдём на площадь посмотлеть палад:
мама, папа, баба и мой младший блат.

Там плойдут солдаты с автоматами,
впеледи знамёна над комбатами.
Свелху самолёты, истлебители.
Потому что лусские — победители.

Завтла в детский садик я пойду опять,
с Юлею Евгеньевной будем лисовать.
Налисую танк и пусть стлеляет он
синими сналядами в голод Вашингтон.

ФАНТИКИ

Уходили в былое дни белые,
проступали из ночи дни чёрные.
Из говна конфетку не сделали,
фантики остались никчёмные.
Яркие, красивые фантики:

«цель», «свобода», «вера», «дерзание» —
как нелепый плач по романтике,
как излишний знак препинания.
Пустота живёт под обёрткой,
темнота сжирает фонарики.
Двойка обернулась пятёркою,
умников списали в лошарики.
Там где жили строчки из Бродского,
хор шансона льётся в предбаннике.
Окуджавы песни сиротские
не к лицу державы охранникам.
Про свободу гимны вчерашние
позабыты давно, позаброшены,
как очки роговые домашние,
как любимые гости непрошенные.
Под ночной тишиной гладь озёрная,
у костра бутылка опустелая.
Борода была раньше чёрною,
стала борода белою.

***

В Одессе рыболовка Соня
поймала рыбу с бородой.
Улов купить мог на Озоне
любой. Но приобрёл Playboy.
Об этой новости неделю
писали Reuters и фейсбук.
И в департаментах надели
на клерков праздничный сюртук.
Кефалью Сони, блять, рыбачки
был поражён весь шар земной.
Бери шинель, мой друг Башмачкин,
бери шинель, пошли домой.

***

Лесостепь кругом,
Млечный путь блестит.
Там, в краю чужом,
хариус хвостист.

Там рельеф другой,
там приют горам.
Там — проснись и пойдёшь,
здесь — напейся в хлам.

Выйду на крыльцо,
гляну на звезду,
покривлюсь лицом,
всех пошлю в туман.

На восток стучит
поездом Транссиб.
Жизнь даёт кредит
(блядь, стереотип)

в общем, мог и ты
ехать на восток
прочь от пустоты
прямо, а не вбок,

понимать бичей
у подножья круч.
Нашенский ручей,
там зовётся ключ.

Но в избе родня
и восход свинцов.
Понял бы меня
Николай Рубцов.

Мы бы с ним пошли,
не попомнив зла,
на восток вдали,
бросив все дела.

Но темно окно
и черна вода.
Кончилось вино,
в комнате беда.

В ОЖИДАНИИ СНЕГА
Всё пройдёт, и это тоже, знаешь,
как проходит поезд сквозь тоннель.
Перебором черно-белых клавиш
в вальс дождей вплетается метель.

Белые начнут и проиграют,
чёрные отпразднуют успех,
и позёмкой мерной заметая,
снег поляжет, успокоив всех:

нервных в вечной ревности влюблённых,
сумасшедших гениев пера,
семь майоров непохмелённых
и двоих толкателей ядра,

проигравших на Олимпиаде,
девять бравых феминисток, пять
«Евровиденья» лауреатов,
одного любителя поспать,

восемнадцать прелюбодеявших,
двадцать шесть бакинских комиссарш,
трёх героев — падших, но не павших,
токарей, устроивших демарш

на новокузнецком биеналле,
четверых умеренных хлыстов,
лоцмана на Беломорканале,
даже разводителя мостов

в Питере, сто двадцать пять фанатов
Дзюбы (просто больше не нашлось),
некоторых понтиев пилатов,
и «Юнону», нахрен, и «Авось»,

депутатов, что на опиатах,
и рябину, что на коньяке,
и республиканцев двух из Штатов,
и талиба в горном кишлаке.

Снег укроет всех и успокоит,
жаль, что он немного запоздал.
Был бы у меня гиперболоид,
я бы снега этого не ждал.

ГРЕЧЕСКОЕ

Ехал грека через реку.
Переехал — сразу в суд:
все, кто этак кличут грека,
пусть ответственность несут.

"Грека", ишь ты. Обскуранты,
ксенофобы, палачи,
ортодоксы, оккупанты,
мрази, старые хрычи!

Да у нас Гомер и Фидий,
а у вас повсюду Лепс!.."
Грек закончил, скушал мидий
и запил вином шартрез.

Всё закончилось бы миром —
баном, штрафом, все дела.
Но держа подмышкой лиру,
в суд Олимпия вошла.

Ни полслова, ни словечка,
взглядом всех пронзя насквозь,

постер в гору «Я — не гречка»...
Тут такое началось!

НА ПОРОГЕ

Ты жил в избушке
своей горбушкой,
не бил, не лгал,
не ниспровергал
и не был даже
замечен в краже
чужих сюжетов
или бюджетов.
Но тут вдруг кто-то
из идиотов
в тебя ткнул пальцем,
чтоб стали пялиться,
чтоб растерзали
в судебном зале,
в интеллигентах
признав агентов.
И набежали
с вынутым жалом
полмиллиона
жаб, скорпионов,
гиенных вассалов —
подлых шакалов.
И мухи це-це
на нашем крыльце...

Стояли звери
около двери,
в нас стреляли,
мы умирали.

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ

А если Вселенная эта
конечна, то что там за ней?
А вдруг там свиная котлета
в созвездиях бычьих клешней?
А может быть толстый Киркоров
простёрся до чёрных до дыр?
Он вечен и хрупко-фарфоров
и друг у него Мойдодыр.
Нельзя исключать и колено,
колени загадочны слось:
из дыма, из праха, из тлена
взрастает коленная дрожь
вибрацией звёзды пронзая...
Иль вот ещё, мотоциклет.
Красив он и непознаваем

в сознании чуждых планет.
Но есть ли там эти планеты?
Там, может, сплошной пармезан
в кружении жгучих брюнетов,
где каждый четвёртый цыган.
А если откинуть сомненья
и всяческий натурализм,
то сразу прозреешь сопенье
и плюшевый метаболизм
как сущности Антивселенной,
где время течёт сверху вбок.
Там тоже поэт дерзновенный
страдает: что есть слово «Бог»?

КИРИЛЛ И ЕГОРИЙ

Алфавит не открыт, в деле только слова и эмоции,
и каноны сказаний понятны пока лишь на слух.
Немота языка отступает по заданной логике,
где всему есть название, даже для мух-цокотух.

Все предметы пока ещё не наречённые —
пусть не все, но в значительном их большинстве.
И тоскуют слова в невозможности быть заключёнными,
и торопятся буквы открыться в своём волшебстве.

Но когда стрекоза станет сущностью, а не картинкою,
перейдёт в категорию басни вдвоём с муравьём,
то откроется мир той, другою своей половинкою,
где Швамбранию с Хогвартсом можно увидеть живьём.

Да, познание букв равносильно зачем-то взрослению,
впереди бесконечный и строгий из них коридор.
А пока что противятся азбуке закабалению
годовалый Кирилл и трёхлетний весёлый Егор.

НОВОГОДНЕЕ ЕСЕНИНСКОЕ

Беленький снежок,
ёлочка пушистая.
Ах ты, мой дружок,
сволочь голосистая,
ты б пошла лыжней,
поразмялася.
Может быть, хуйнёй
не страдалася.
Ох ты, Новый год,
сука календарная.
Пьяный переход
в январе угарные.
Ой ты, гой-еси,
хуеглотина.

Рыбки иваси
плещутся в блевотине.
Режутся ножом
вены, как салаттики.
Пьём. И ржём, и лжём.
Зяблики-касатики.
Но придёт зарёй
твёрдое похмелие.
Утренней порой
соберуся еле я.
Соберусь, пойду
в даль светлосбучую.
Шмаль приобрету
и пиджак по случаю.
Разлучусь с хандрой,
заживут запястия...
Год двадцать второй
обещает счастье.

***

Если у вас нету водки,
то к вам её не завезли.
Доверившись метеосводке,
в порт не плывут, в порт не плывут,
в порт не плывут корабли.
А хоть ты Брюс Ли.

Если у вас нету НАТО,
то вам её и не купить.
Солдаты у НАТО мордаты:
им лишь бы нас, им лишь бы нас,
им лишь бы нас оскопить.
Суки, етить.

Если у вас нету дао,
то вы пустота без дверей,
без родины, Будды и флага:
где-то внутри, где-то внутри,
вы там, похоже, еврей.
Такой вот ход с козырей.

Если у вас нету пола,
то рано писать некролог
внегендерного протокола.
Если не пол, если не пол,
то ты поищи потолок.
Так-то, милоч.

***

Вот и всё, вот рюкзак и собран.

В дальний путь да в последний раз,
обходясь без цензурных фраз,
стяжкой лямки сцеплю на рёбрах.

Тут бы встать в богатырский рост,
распрямить молодецки спину.
Только груза бы вполовину,
только в помощь бы мне бы трость,

чтоб колени подраспрямить,
ну а дальше — вперёд, нах остен...
Хуй. Какая-нибудь Джейн Остин
уже крепче тебя, етить.

Да и то, тут такой багаж
гордостей и предубеждений,
войн, скандалов, грехопадений,
что словами не передашь.

И не сбросить их из-за плеч,
нету кнопки перезагрузки.
Впрочем, греки иль там этрусски
завещали нам: «Некуда бечь».

Успокойся, прими прозак,
отстегнись, добреди до стула.
Жизнь прошлёпала, подмигнула.
И не встать тебе под рюкзак.

О КАЧЕСТВЕ СМЕРТИ

Чтоб сгореть в лесном пожаре
нужно очень постараться:
выбрать время, местность, ветер
и отсутствие преграды
в виде водного потока
для стены огня, спешащей
напрямик к тому вот месту,
где ты спишь в своей палатке,
водки выпив столь изрядно,
что не слышишь, как ломает
лось кустарник близлежащий,
убегая от пожара. В общем,
алкоголь прискорбен
хоть в тайге, хоть в Тегеране
по возможности последствий.

Впрочем, можешь быть ты трезвым
и вообще, интеллигентным,
столь далёким от пожаров,
как Ахматова от Лепса

или, скажем, от Маккартни.
И идти под вешним громом,
напевая Come Together
в расчудесном настроеньи
после лекции на тему
психики членистоногих,
может в Кембридже, а может
в Принстоне иль там в Рязани.
Ну неважно, просто тучи,
тучи, ветер и свобода,
дождь, гроза и бесшабашность
и предошущенье счастья.
Но пиздык — и прямо в темя
молния настоебнула,
прямо вот по беспределу,
но и хуй кому предъявишь:
так устроено в природе,
чтобы, блять, не зазнавались.

Или вот возьмём цунами,
там вообще пизда с начёсом,
если ты живешь, к примеру,
на цейлонском побережье.
Или если ты Тотошка
из Канзаса, где торнадо
шлындают туда-обратно
к Гудвину и Урфин Джюсу.
Или вдруг ты оказался
без воды в Карибском море
после кораблекрушенья
на тридцатый день под солнцем
где кругом одни акулы...

Что ты, столько в этом мире
шансов сгинуть беззаветно,
по немилости природы,
без носков и покаянья,
лишь внезапностью стихии,
что печально и нелепо,
и родне необъяснимо,
будь ты хоть сто раз священник.

И совсем другое дело
разработать план в генштабе,
чтобы стрелками на карте
взять в кольцо фланг наступленья
из десятка городишек
с сотней тысячей людишек,
разьебошить их из пушек
и в блокаде заморить.

А потом поднять над сладким
трупным запахом победы
славный стяг своей державы
и вождю о том донести,
чтобы тусклый недомерок
с воспаленным самомнением
мог заснуть в успокоении,
что день прожит был не зря,
что убитые солдаты,
что убитые младенцы,
что убитые надежды
впишут имя президента
в исторический сюжет,
где он весь освободитель,
победитель, повелитель,
и духовности ревнитель,
и хороший семьянин.

Ну а так-то, что тут спорить,
и цунами убивает,
и торнадо, и пожары,
и сосулька на карнизе,
и гонконгский, нахуй, грипп
и укусы очковой кобры,
и маньяк в лесопосадке,
только это все какая-то
бессмысленная смерть.

А не то что за Отчизну.

***

Время скотское, жизнь дурацкая.
Так уж выпало — всё по Кушнеру.
Залихватская песнь солдатская
полирует сегодня уши нам.

Ох ты времечко окаянное,
то, которое нам назначено.
И живём в нём, как деревянные,
И умрём, как пятак истраченный.

Что сквозь нас прорастёт, неведомо:
борщевик скорее, чем лилии.
За нелепыми фальшь-победами,
исчезаем пунктирной линией.

Двойкой в четверти жизнь окончена —
не исправить, не будет случая.
И усадьбы дверь заколочена,
и за Фирсом грядёт беззвучие.

ПИЛОТ

Под крылом самолёта порхает
вертолёт, вертолёт, вертолёт.
В вертолёте музы'ка играет
и поёт свою песню пилот

про бескрайние синие дали,
про берёзовый ситцевый край.
(По нему три зенитки стреляли,
он однажды попал под трамвай,

пил метиловый спирт с водолазом,
уползал от медведя в тайге,
был женат на самбистках два раза
и в испанском ходил сапоге,

пил из крана в плацкартном сортире,
руки мыл в тёплой крови врагов,
ел свинину в суфийском Кашмире,
но нигде не терял берегов).

Ну так вот, в этой песне пилота,
даже в гимне прекрасной стране,
пелось нежно-восточное что-то,
типа, «ах, Шаганэ, Шаганэ».

Или Лейла, а может Маруся,
иль какой, прости господи, Стас,
ну, неважно. Там пелось: «Вернусь,
и поедем с тобой на Кавказ,

на Байкал мы с тобою поедем,
а захочешь — и в Биробиджан.
Будем вместе исследовать йети,
или даже, поверь, вологжан.

Всё в руках наших юных и дерзких...».
Но наушник взрычал невпопад:
«Ноль-седьмой, заебал своей песней.
Продолжай патрулировать МКАД».

ПОД НАСТРОЕНИЕ

Опять сентябрь, скончалось лето,
и тучи тянутся на юга.
И моя песенка будет спета,
и за дождями придут снега.

И перелётной последней птицей
трилистник клёна падёт на пруд.
Я вам не буду ночами сниться,
вернее, сам не сочту за труд.

Дышите ровно и спите крепко,
не стоит прошлое странных снов,
где небо в клетку и время в клетку,
как яркий маркер первооснов

текущей жизни. Неважно, впрочем.
Таков сценарий, таков финал.
Ты просишь милости: «Авва, Отче!» —
радар не считывает сигнал.

Исполнен иск от судьбы-истицы —
стереть истекшую жизнь в золу...
Я вам не стану ночами сниться.
Я буду тихо сидеть в углу.

***

Никого не будет в доме,
кроме спившихся ежей
из Республики из Коми.
И немножко латышей.

***

Театр уж полон, ложи блещут,
забит духовностью партер.

КЛЁН

Гонит осень вдаль журавлей косяк,
так уж вышла жизнь, наперекосяк,
на перекостях, на дурной золе...
Кончился бензин, датчик на нуле.

С полным баком сил выходил на старт,
и восторг душил, и дурил азарт,
и надежд звенел чистый вечный зов,
жизнь несла вперёд, да без тормозов.

Где случился сбой? Не узнать теперь.
Может, не открыл правильную дверь
или зря обнёс берегом порог.
Кто-то сделать смог, ну а ты не смог.

Ждал ли соловья — кружит вороньё,
песен ли хотел — стоны да вытьё
слышатся окрест. Дом твой озверел,

из него идёт чёрный артобстрел.

Мёртвою водой рюмка с горкою,
мне б её накрыть хлебной коркою,
помянуть себя давнею страной,
там, где клён шумел над речной волной.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Мороз и солнце, день чудесный.
Мон шер, ты помнишь: в Поднебесной
мы были ханьцы, а не русь...
Но я отныне не боюсь
признаться, что все были правы —
Кун-цзы и Лао-цзы, и Мао:
когда поёт под сердцем грусть,
ты вспомни хруст снегов державы
с Маньчжурии до Ямантау,
и хуй с ним, с дао. Ну и пусть
поёт в наушник Розенбаум.
Ни хао, браза мой, ни хао:
ты ныне русь - не плачь же, право.
Тебя стыдить я не берусь.
Здесь Скандинавия направо...
Пойду-ка я, чувак, напьюсь.

ПОДРАЖАНИЕ ВСЕМ

— Мне страшно, милый. Век надменный
глядит сквозь нас, мы словно тени.
— Не тени, милая, а трупы.
Мы тонем, заживо сгнивая,
в безвременье унылых лет.

— Как больно, милый мой, как странно
остаться вдруг без кислорода
среди счастливого народа.
Ты не находишь? — Я? Нисколько.
Другого нам народа нет.

— Но отчего? — Так мы ж иные,
мы тени, верно ты сказала,
мы сновидения былого,
того, что даже в снах являться
народу здесь запрещено.

— Мой бедный Юрик, так напрасно,
никчемно, гибельно, ужасно
заканчивать свой бранный путь.

— Да, дорогая, трудно спорить,

финал - прескверное говно

у этой пьесы захудалой.

— Так, может быть, начать сначала?

Поправить сцены, диалоги,
переписать течение драмы
и измененья закрепить?

— Нет, шансов нет уже, родная,

из рая мы дошли до края
конечной бездны. Нам осталось
познать конечную усталость.

И умирая, дальше жить.